

"Бесстыжий"? Хе-хе... если однажды ты будешь стоять на моем уровне, то поймешь, что в мире нет ни бесстыдства, ни благородства, это все просто игра. Конечно, вы, насекомые, никогда не сможете стоять на этом месте. Видя, что вы все еще достаточно честны, этот трон может рассмотреть вопрос о том, чтобы дать вам молотка!" Лицо Лу Пэна было наполнено мрачными улыбками, когда он смотрел на четверых мужчин Сюй Вэньчуаня без всякого человеческого сострадания. Как будто в его глазах Сюй Вэньчуань и другие действительно были не людьми, сделанными из плоти и крови, как он, а просто муравьи, простые сорняки.

"Его Святейшество так прав! Я не думаю, что нам нужно отвести этих четырех девушек на место казни, просто порежьте их здесь! Кто-нибудь, приготовьтесь к казни!" Бай Женьшань сардонически посмеялся и помахал рукой, чтобы выпить.

Как только голос Бай Чжэнь Шаня упал, Sun Xiaoya, Leng Yue Cui, Leng Yong Si и Ye Mei, четыре девушки были насильно прижаты к коленям, надавливая на лоб, показывая их белоснежные розовые шеи, которые были чрезвычайно хрупкими под холодным, мигающим стальным лезвием.

"Бай Женьшань, я забочусь о твоём предке!" Сюй Вэньчуань с серебряными волосами в гневе стоял прямо, и с диким ревом его ладони летели и катились, и все его тело парило в воздухе, как стрела, подпрыгивая прямо на Бай Чжэньшань.

"Этот трон здесь, как можно позволить тебе быть безудержным? Тащи свою задницу обратно!"

Как только Сюй Вэньчуань взлетел и был еще далеко от Бай Чженшаня, Лу Пэн сдвинул свою фигуру и остановил его в воздухе. Яростная и властная сила ладони была похожа на шторм, заставивший Сюй Вэньчуаня сразу же вернуться.

Сюй Вэньчуань поднялся и упал, его лицо стало белым, но только одна пара глаз покраснела и покраснела от ярости.

При поддержке Лу Пэна Бай Женьшань становился все более и более неразборчивым, дико смеясь: "Хуан, чего же ты ждёшь? Срежь этих четырёх девушек для меня!"

"Да!" Хуан свирепо махнул рукой, и четыре дворцовых стража со стальными мечами в руках тут же подняли их высоко.

"Я буду драться с вами всеми!" Видя, что четыре человека Сунь Сяоя вот-вот погибнут, Сюй Вэньчуань, Лэн Шаньонг, Сунь Даобай и Лю Юньси были в состоянии отчаяния, где они не заботились о том, что много, их голоса взорвались, и они все составили, демонстрируя свои самые сильные движения, с большим намерением умереть вместе с Лу Пэн.

"Грили всегда грили, как бы ты ни дрался, это бесполезно! Верни меня туда, откуда я пришла!"

Лу Пэн холодно улыбнулся и помахал ладонью, его настоящая ци была похожа на мутную волну, которая бесконечно укладывалась друг на друга, и когда тело Сюй Вэньчуаня ударило по ней, это было похоже на удар по большой сетке с отличной эластичностью.

Перед Сюй Вэньчуанем Лу Пэн был как непреодолимая пропасть между ними и Бай Чжэньшанем, хотя они ненавидели его всеми своими зубами, они ничего не могли поделать. Бессилие, беспомощность, разочарование, это было просто сойти с ума.

"Его Святейшество пока сохранит им жизнь, чтобы они могли своими глазами наблюдать за этими четырьмя девушками на их пути. Я хочу видеть сожаление на их лицах, сожаление за то,

что предал меня! Хахаха... "Бай Женьшань казался сумасшедшим, и рот его постоянно лопался в дикий смех.

"Тот, кто действительно должен сожалеть - это ты!" Как раз в тот момент, когда Бай Чженьшань был до предела высокомерен, голос Ван Донга взорвался, как гром в воздухе, вызвав трепет величественного дворца.

Прежде чем Бай Женьшань смог прийти в сознание, мимо пронёсся порыв ветра, и дворцовая стража, прижавшая Сунь Сяю к коленям, взволновалась.

Стрижка дрожала, и в мгновение ока она фактически превратилась в туман крови, рассеивающейся вместе с ветром и бесследно исчезающей.

Эта сцена была настолько странной, что волосы на теле Бай Женьшаня стояли на конце, и он неоднократно кричал в тревоге. Белая бабочка рядом с ним, как будто она поняла что-то, лицо, как цветок, взмахнул в бледно-белое, и ее тонкое тело дрожало.

"Яотский!?" Сердце Сюй Вэньчуаня колотилось, и его глаза несравненно жаждали обыскать все вокруг, в то время как его рот продолжал кричать: "Это ты, яотский"?

"Дедушка! Внуки неверны, заставляют тебя страдать!" Вскоре после того, как крик Сюй Вэньчуаня приземлился на землю, раздался голос Ван Донга, в то время как стройная фигура, ездившая по ветру, прорвалась в воздух, давая людям ощущение безудержности и безудержности, неба и земли, позволяя смелым и безудержным.

Сунь Даобай, Лю Юньси, Лэн Шаньонг, Сунь Сяоя, Е Мэй, Лэн Юэцый, Лэн Юнси и другие также были в восторге. Как будто имя Сюй Яотин обладало какой-то магией, какой бы сложной ни была ситуация, пока они слышали это имя, все опасности пройдут, и все будет хорошо.

"Молодец, Сюй Яотин, есть путь в рай, но ты не берёшь его, но врываешься сам, когда нет двери в ад! Похоже, что семья Сюй сегодня потеряет всех своих потомков! Хуан, сними этого предателя для меня!"

Как только он увидел Ван Донга, Бай Женьшань не мог сидеть неподвижно, паря на ногах и крича сурово.

Ху Ан тут же выпрыгнул, крича вслух, и большая группа дворцовой охраны, опасаясь быть не менее тысячи, вскочила навстречу Ван Донгу, как штормовая волна.

"Хм!" В это время Ван Донг также был мотивирован убивать, его брови были приподняты, и вместо того, чтобы отступить, он превратился в тысячу виртуальных теней и напрямую ворвались в полчища стражников. Без пощады, Вандонг был похож на разъярённого льва, который был мёртв по прибытии.

Тысячи охранников не смогли в одиночку противостоять атаке Ван Донга, и были полностью направлены всего за несколько вдохов времени. Повсюду были крики и плачи, и мир в одно мгновение превратился в ад на земле, наполненный кровопролитием и убийствами повсюду.

Не говоря уже об отдельных сторожах, даже те немногие девушки из Sun Xiaoya не могли не трепетать и не чувствовать холода в это время. В их впечатлениях казалось, что Ван Донг никогда не разбивал такое убийственное сердце.

Лу Пэн всегда считал чужие жизни насекомыми и сорняками, но в это время, увидев убийство

Ван Дона, он тоже был голубым, и его сердце взбудоражило волны, как ударная волна.

"Сюй Яотин, ты действительно хочешь восстать?" Видя, как его люди лежат, как будто их снесло кусками пшеницы, Хуан был потрясен и разгневан, и открыл рот, чтобы сурово закричать.

Как только его напиток приземлился на землю, к нему подул ветерок, и холодный Ван Донг, как будто переступив через барьер времени и пространства, вдруг встал перед ним. Ху Ан закричал и подсознательно размахивал клинком меча, чтобы порезать Ван Дона, Ван Дон хладнокровно храпел, и одним щелчком запястья ухватился за клинок плотью.

Ху Ан использовал всю свою истинную энергию, но меч в его руке был слишком ошеломлен, чтобы упасть даже на дюйм. Муравей, пытающийся потрясти дерево, был тем, о чем Хуан раньше не имел глубокого понимания, но теперь у него есть глубокий опыт. К сожалению, он играл муравья, пытаясь сделать это.

"Пособничество врагу - глупость! Не достойный жалости, умри!"

Когда я увидел его в первый раз, я подумал, что он хороший парень, но он не был плохим парнем.

Когда Чуань предложил вместо Тан Синьши возглавить запрещенную охрану дворца, у Ван Донга не было с этим проблем, но теперь он понял, что ошибался.

Есть много видов верности, только те, кто может отличить правильное от неправильного и привести господина на правильный путь, действительно верны, в то время как те, как Ху Ан, кто не делает различия между правильным и неправильным и является только машиной, которая следует приказам, глупая верность и своего рода зло! Поскольку это зло, оно, естественно, не достойно сочувствия и должно быть искоренено.

С холодным храпом рука Ван Донга внезапно толкнула, и меч в руке Хуана сразу же перешел из рук в руки.

"А!?" Хуан инстинктивно выпустил крик, но Ван Донг не обратил на него внимания, держа в руке клинок меча и непосредственно ударил Хуана рукояткой меча.

Такие действия, в глазах других, были бы немного глупыми, но в руках Ван Донга, эфес меча также способен убить. Но услышав тихий пуховый звук, как будто острый клинок прошел сквозь тонкую бумагу, круглая и тупая рукоятка меча на самом деле принесла клинок и проткнула прямо в тело Хуана, и кровь разбрызгалась везде сразу.

"Ты... ты..." Хуан, наверное, никогда не мечтал, что он умрёт таким образом, что пара глаз не может быть сразу округлена.

Для Хуана не было сочувствия в глазах Ван Донга, рука, которая держала лезвие меча подняла вверх внезапно, жестко подняв Хуана и выбросив его с ним, крик, сразу же раздался повторный звук. Этим броском Ван Донг не знал, сколько еще дворцовых охранников было забито заживо.

Как будто они упали в ледяной погреб, их лица дико изменились, и они молчали, как будто их ноги укоренились в земле, не имея возможности сделать и половины шага к Ван Донгу.

Подметая глаза, Вандонг холодно закричал: "Те, кто не хочет умирать, выходите немедленно!"

Как только Ван Донг сказал это, эти дворцовые стражи сразу же сбросили оружие один за другим, как будто им была объявлена амнистия, а затем бежали, как завывающие волки. В мгновение ока весь дворец стал намного яснее.

"Отец, я... мы..." Сердце Бай Ди теперь было наполнено страхом, а ее милое личико уже потеряло свой первоначальный нормальный цвет, плотно прижимаясь к Бай Женьшаню, похожему на испуганного белого кролика.

"Не бойся! Даже если он сильный, Свободный Преподобный позаботится о нем!" Бай Женьшань сделал длинный вздох, заставляя его успокоиться и бросить взгляд на Лу Пэна.

Для Лу Пэна это было похоже на пощечину, а его лицо уже было чрезвычайно бледным. Глаза наклонились, чтобы посмотреть на Ван Донг, голос призрачный и ледяной холод "Тактика вашего ребенка вполне соответствует характеру этого места, просто вы распространили вашу дикость в неправильном месте, эта великая жизнь только собирается прийти к концу".

"Как ты хочешь умереть?" Как только слова Лу Пэна упали, Ваньдун Хуо повернулся к нему, его верхние и нижние губы встретились и выплюнули холодное предложение.

"Ты... что ты сказал? Вонючка, это должно быть сказано этим сиденьем, верно?" Фанатизм Ван Донга на мгновение ошеломил Лу Пэна, прежде чем Фан яростно заревел.

"Так как ты не выбираешь себя, позволь мне выбрать способ твоей смерти!" К грозе Лу Пэна, однако, Ван Дун был забыт, его поведение было еще холодным, а голос уже был наполнен безразличием.

"Возмутительно! Тот, кто сначала уберёт руку этого высокомерного отродья за это место, дайте ему знать, с кем он разговаривает!" С холодным нюхом, Лу Пенг на самом деле встал на переднюю часть лица Вандонга.

(Конец этой главы.)